

Андрей Васильев

Стихи для сайта БардАкадемии

Моя балалайка

Балалайка немногострунна,
Восприимчива к тишине,
И настроить её нетрудно,
Если птицу расслышать в ней.

Лишь коснутся ладоней тени
Самой звонкой её струны –
Неизведанным восхищеньем
Будут звуки озарены.

На соседней гудьба поглубже:
Растревоженная гульбой,
И смешит, и слезами душит
Нарастающая любовь.

Ей последняя равнозвучна,
Но иные слова поёт:
Заметая напев минувший,
За любовью обман идёт.

Балалайка немногострунна,
Но отзывчивая она:
Жилы в дрожь, и поёт колдунья
Восхищенье–любовь–обман.

* * *

Птичка умещается в ладошку.
Песня уместилась в голове.
Солнечный полуденный горошек
Весело рассыпался в траве.

А над нами кто-то тонко кличет,
А потом – в тростиночку дудеть.
Как зовут? Неважно. Просто птички.
Им летать, а нам на них глядеть.

Отыщи черту на небосклоне,
Ту, что отделяет небосвод.
Если наши встретятся ладони,
Между ними птичка запоёт.

Вместе поём

О. С.

Петь просила ты,
При гитаре я.
Мои синие,
Твои карие.

Чем не пара мы?
Взоры – в линию!
Твои карие,
Мои синие.

В тёмном зеркале
Так и вижу я
Мои светлые,
Твои рыжие.

Сколь мы разные –
Нет сомнения,
А глаза – в глаза,
Пенье – в пение.

Чей закон велит
Прежде выстрадать
Твои звонкие,
Мои низкие,

Чтоб потом сплелись
В нечто вешнее
Мои сильные,
Твои нежные?

В песне правда ли...
В пенье сила ли...

Твои карие,
Мои синие.

* * *

В морозящем вечернем желе
Поезд шёл параллельно земле,
И катились меж катетов капли
На наружном вагонном стекле.

А снаружи был город рябой,
А внутри – свет ранимый слепой,
И столкнулось моё отраженье
С заводскою кирпичной трубой.

Машинист за часами спешит,
Будто в поезд вцепились гужи,
И я сбоку лечу пристяжную
Сквозь ангары, дома, гаражи.

Безуспешно пытаюсь понять
На исходе бегущего дня:
Почему на обочине люди
Так живут, будто нету меня?

Вон знакомая горстка огня:
Скоро станция будет моя.
Пассажиром перпендикулярным
Продвигался вдоль времени я.

* * *

Художник новые картины пишет по весне.
Мы на холсте, но нас не видно – ослепляет снег.

По нам, прозрачным и незримым, кистью проведут –
И мы бесшумно канем в зиму, скроемся в приют,

Где разум в белое окрашен, где запрет воздан
Всему звучащему, и даже чертаным словам,

Где вдоль прямых и тонких линий тянется рука
В неощутимые, но видимые хлопья-облака.

* * *

Прощаясь с осенью, на свет
Легко смотреть в природе голой,
Когда почти любой предмет
Внутри накапливает холод.

Впадая в спячку, летний дом
Пошевелинётся, дверью хлопнув,
И, погремев пустым ведром,
Сомкнёт зашторенные окна –

И в этой внутренней тиши
В остывшей строгой полутеми
Почти не слышно, как спешит
Всепроникающее время.

Но время можно потянуть –
Задеть нетронутые книги –
А в них заведомая суть,
Что совершенства не достигнуть.

День будет короток, как миг,
И солнце будет заходящим,
Когда скользнёт по шторе блик
Напоминанием о счастье.

* * *

В трёхметровом колодце песчаное дно.
Древним вымпелом видится фланец.
Кирпичи. Наверху голубое пятно,
и внизу ты, считай, чужестранец.

Здесь предшественник время трубой протыкал,
к водоносному слою допущен,
терпеливо, вода открывалась пока,
пузырей прохождение слушал.

В этой скважине раньше водилась вода
и от внешнего мира спасала,
к этим стенам извне прорывалась беда,
но, в песок уходя, угасала.

Кирпичи безразличны к течению дней –
и колодцу стоять, не ржавея,
и его под землёй всё тесней и тесней
обнимают корнями деревья.

В бесклёвье

Сверли, не сверли – не клюёт.
Изрезана взглядами пойма, где
Баржа уползает под лёд,
Цепляясь за берег соломенный.

Сегодня земля не смогла
Дать верного хода событиям,
И скудота-скука легла
Поверх ледяного покрытия.

На берег сходи просто так,
Продравшись за стену колючую –
Нечёсанный голый ивняк,
Придавленный зимними тучами.

Там стройка торчит из земли,
Воронами хрипло отпетая,
И контуры елей вдали,
Как рыбий плавник над планетою.

И небо холодным обдаст,
И снег будет хлюпать отчаянно,
И вновь окружающий фарс
Замрёт, будто смерть величая.

А мы всё ведём ворожбу,
Надеясь на милость всевышнюю,
И молча ругаем судьбу,
В глубинах сияя мормышками.

Городу Северодвинску

Мой город прозрачный, открытый ветрам,
Где в небе пугаются чаек вороны
В рассветной нерани к осенним утрам
Над морем неласковым, серым, холодным.

Иду вдоль домов, вдоль непрожитых дней,
А ветер швыряется мокрой листвою.
От редких прохожих нечётких теней,
Разрозненных общей неясной судьбою,

Исходит печаль. Значит, видимо, люб
Твоим горожанам, настрой не нарушив,
Промышленный корпус с четвёркою труб,
Как будто огромный корабль среди суши.

Здесь север. Здесь многого лучше не ждать,
Здесь даже берёзы растут осторожно,
Здесь даже на смерть проще в очередь встать –
Россия, наверно, и в этом возможна.

Спасибо за мнимую неправоту,
Красивую правду, наивную веру,
Проросшую в юность из детства мечту
И горькую сладость морошки незрелой,

Спасибо за память, что где-то был дом
Обычный панельный, фасадом к газону
С оградой – простым деревянным брусом,
Окрашенным краскою тёмно-зелёной.

Северодвинские серенады 70-х

Откроешь дверь – увидишь май
Без капельки листвы:
Архангельский, однако, край.
Гитара, двор – и мы.

Разгоним белой ночи мрак,
Пошлём девчонкам весть –
Сергей у нас – большой мастак,
Аккордов знает – шесть.

Девчонки из окна глядят,
Им нравятся слова:

«И снова вижу я тебя,
Любовь во мне жива»,
«Есть у дороги старый крест,
Порос зелёным мхом».

Свистит настойчиво норд-вест,
Но громче мы орём!

Девчонки спишут те слова
В заветную тетрадь,
Несложные, как дважды два,
А повод есть мечтать!

* * *

В Скандинавии зной. В это время кругом
Всё проникнуто тихой печалью –
Тёмно-синее небо двугранным углом
Нависает над желтою далью,

В раскалённом пространстве октава звенит,
Поражая своей пустотой,
Внемлет ей из глубин молчаливый гранит
Всея языческой неправотою.

Оттого-то и ждёшь, как ударами в дверь
Грянет ветер, и небо поблётнет,
И угрюмое солнце – свернувшийся зверь –
Задрожит в облаках перелётных.

Словно холод не может в разреженной тьме
Предыюльских ночей раствориться.
В безысходности этой – готовность к зиме
От оград и до крыш с черепицей.

В Скандинавии зной. Как во временном сне
Параллель промелькнет и растает –
Три короны невнятно горят в вышине,
Посвященные главы венчая.

* * *

Сухая плоская ворона
(смерть под колёсами, жара)
покоилась в траве газона
внутри московского двора.

Но равновесие не вечно:
и пёс голодный налетел –
и ну покойницу калечить,
таскать, трепать, – а всё ж не ел.

И жертва, словно из фанеры,
со свойством жёсткой лёгкости
моталась в воздухе двумерной
системой перьев на кости.

А местный азиатский дворник,
на мир смотрящий в лунный серп,
как будто чуял в той вороне
державного пространства герб –
и пса не гнал метлой поганой
и птицу в мусор не волок.

И глухо бился в этой драме
времен встревоженных поток.

В саду гуляет младая дева

Как много солнца! Нет небу края!
Младая дева в саду гуляет.
Рукой изящной срывает плод
И, засмеявшись, в карман кладёт.

Я рядом с нею, под той же сенью,
От восхищенья дышать не смею:
Как безупречно она с цветка
Сдувает пчёлку и мотылька!

Зачем я медлю, чего-то жду я –
И приникаю я к ней вплотную,
Но, золотистых шмелей гоня,
Она проходит через меня.

Мой пыл абсурден, нелеп азарт –
Ведь я же умер три дня назад!

Ещё раз о Наполеоне

Наполеон, надев пальто,
Идёт гулять инкогнито,
Прижав беретом чёлку,
Как будто треуголкой.

Он видит: у больших ворот
Толпится сумрачный народ –
На лидера серчают,
Его не замечают.

Вчера у трапа корабля
Ему подали три рубля –
Хотел купить кефиру
И плавленого сыру.

Хозяйка нынче смотрит зло.
– Мадам, а там, под Ватерлоо
Среди солдат не Вы ли
Кокоткою ходили?

Но в кабачке на берегу
Давно привыкли к чудаку,
И щёлкают по пузу:
– Бонжурчики француз!

Он слышит речи: лёг на курс
С металлоломом сухогруз
И отплывают даже
С песком четыре баржи.

Три раза в месяц медсестра
Иглу вонзает у бедра –
Он наклоняет спину
И шепчет: «Жозефина!»

Она ему на это: «Тс-с-с!»
Потом, выдавливая шприц,
Твердит членораздельно:
– Меня зовут Елена!

А за окном вблизи видна
Колючей провол(о)ки стена.
Наполеон хохочет,
И он туда не хочет.

Жандармы чувствуют задор,
И караулят Термидор
Антенн колючих шпили,
Растущих из Бастилий.

На Стиксе ледоход

Владимиру Альтеру

На Стиксе ледоход. В низовьях снег лежит.
Мы здесь давно живём, не видя новых лиц.
Вчера была метель. Сегодня день дрожит
Полярной толчейёй неугомонных птиц.

В верховиях война. Далёкая напасть.
Узнали мы о ней на прошлый ледоход.
Высокая вода – единственная связь,
Когда река в себе свидетельства несёт.

Когда полярный день касается земли,
Открытый воздух слеп – всё тундра да вода.
Тот берег где-то есть, но не видать в дали,
Мы живы оттого, что нам не плыть туда.

Пока не начались восточные ветра,
Плавучий хлам река несёт на правый фланг.
На Стиксе ледоход – особая пора
Не помнящим про гимн, не узнающим флаг.

* * *

Я тощую брюнетку за талию держу.
С поверхностью паркета нетвёрдо я дружу.

Мерцают взглядом чёрным глубокие глаза.
О, как она проворна!

Ей лет за пятьдесят.

А я партнёр никчемный, и жизнь моя глупа,
и мне одно мученье крутить такие па:
немногого я стою на этом рубеже.

А, может быть, за мною она пришла уже?
Пришла под новой маской (какие чудеса!):
вся седина под краской, отсутствует коса,
одета и обута, что твой модельный дом.

Другие атрибуты придут ещё потом,
знакомые до боли.
Но нынешний типаж под легендарный облик не очень подходящ –
в косметике и глянце.

Я жив ещё пока,
и мне сжимает пальцы горячая рука.

Похороны трески

К морю, к морю, голытьба!
Впереди гульба большая!
Ты, Земля, не возражаешь –
Будет вбитым кол в тебя?

Барабанный слышишь гром,
Всхлипы хлёткие оркестра?
Первым церемониймейстер
Марширует босиком.

А за ним в колонну вслед,
Окружённый понятами,
Выползает из пучины
Чёрный траурный лафет.

Устрашающ рыбий лик,
Растопорщилися жабры,
И пространство разрезает
Вздёрнутый спинной плавник.

Молча в публике глядят,
Дождались, на самом деле! –
На венках «скорбим», «жалеем»
Ярким золотом горят.

Пьют не чокаясь лафит.
В крематории, где топка,
Кухенмейстер сковородку
Проверяет – как звенит?

Лицемерная слеза
Капнула с лица инфанта,
А в конце под бой курантов
С неба вылилась гроза.

Похоронный высох мрак,
Разбрелись неровным строем.

С нарисованной трескою
На колу трепещет флаг.

Кошка Люська

Ай да кошка Люська!
Хороша на вид,
Только вот по-русски
Плохо говорит.

Иногда мяучит,
Иногда мурчит,
В основной же случай
Мудро так молчит.

Расскажи мне, Люська,
Как мне дальше жить –
То ли трясогузкой
Над травой кружить,

Или же вороной,
Навостривши нос,
На вершине клена
Изрекать прогноз,

Или быть резонно
Мудрою совой,
Чтоб вертеть задорно
Круглой головой?

Люське к этим будням
Интересу нет,
Посредине кухни
Циркулирует,

Спину выгибая,
На колени – прыг!
Нет, не понимает
Наш она язык:
Ей своё привычней.

Человек грустит –
Кошка помурлычет,
И господь простит.

Штрих-кот

По соседству у ворот
Жил в полосочку штрих-кот,
А слегка через дорожку
Полосатая штрих-кошка,
И у них родился ряд
Полосатых штрих-котят:
Видом все аутентичны,
Но штрихи не идентичны.

Подросли они, и мать
Всех выводит погулять.

Лапки двигают сторожку.
К дому тянется дорожка –
И встречают у дверей
Человеческих детей.

Смотрят дети: ах и ах,
Перед ними всё в штрихах!

Мама-кошка говорит им:
«Разбирай смелей котят!
Но потом их возвратите
Через два часа назад –
Я должна им вертикально
Ночью вылизать бока,
Это сверхпринципиально
Для кошачьего штриха!»

Вдруг расстроился Серёжа:
«Все котята так похожи,
Как назавтра после сна я
Своего кота узнаю?»

Но ему ответил Ваня:
«Я возьму у папы сканер,
Два щелчка – и в полминуты
Занесём котят в компьютер,
Что не видит детский глаз,
Лазер сделает за нас!»

Так мудрёная машина
Оказалась совместима
С самой лучшей из пород –
«Непородистый штрих-кот»!

1961-й: от восприятия к представлению

Я взрослый парень – года три,
 Мой мир – копилка всяких звуков.
 Я верю: парни всей Земли,
 Вот-вот пожмут друг другу руки –

Так убедительно твердит
 Волшебный радиодинамик,
 Его огромный рот открыт,
 А корпус – как квадратный пряник.

Родитель цыкал на меня,
 Когда про новости момента
 Вещал Хрущёв и из Кремля
 Давали шум аплодисментов.

Таких я ладушек не знал
 И думал: для какой потехи
 Сгружает где-то самосвал
 На землю грецкие орехи?

А ритуальный позывной
 Меня и ныне умиляет –
 Ведь я как Родина давно
 Не в меру слыша, меру знаю.

* * *

Геннадию Банникову

лимиты выбрало светило, день закатился за дома,
 и вмиг на город опустилась светотушительная тьма,
 и наступает состояние предошущения туше
 столбов, ларьков, щитов рекламы и нешумящих камышей.
 чтоб от сурьмы не зарекаться, вражду не жду, мечту не чту,
 коври не вру на волнах раций, деньгу не гну. в комендату-
 ре что-то нынче беспокойно: отлов назначен дураков,
 но уцелеть рискнём, поскольку в предгорье таянье стихов.
 второго рода невидимка – на облом чудище облом –
 шероховатый, мокрый, липкий... но это не сейчас, потом...
 бесшумно мечутся фигуры на белокаменном листе –
 я подключил клавиатуру к ненужной газовой плите.

Балалаечный костёр 1648-го

Чернеет свет, по всей Москве гудят колокола,
Трещит огонь, черёдный конь кусает удила.
Инакий день - ликует чернь, гремит царёв указ,
Охрипли псы, идут возы да на Болотный плац.

Опасный груз - простая Русь - стучит и дребезжит,
И, под копытами разбита, музыка лежит,
Летит в костёр охапка домр и тоненький рожок,
А там и стая балалаек брошена в поджог!

Зачем палить, зачем рубить, зачем тереть в труху?
Добрейший царь, тишайший царь, ответь, как на духу!
Словесный блуд, что пьяный шут бренчит у кабака,
Державе неужто грозней исконного врага?

А за заставой брань густа, возня, переполох,
Там сто телег, на каждой клетка, в каждой скоморох,
Кричат слепцы, молчат стрельцы, глаза у них тупы,
Качают плечи палачи и крестятся попы.

Михайлов свет царь Алексей пронизывает тьму,
Но чем заблудший дышит люд, неведомо ему.
Под новый день, когда дотлеет музыка костра,
Ярило в саже выйдет в ражий хоровод Петра.

Ударное смирение

Гибнет оркестр! Я брюзжачий и злой
Старый ударник.
Чую беду, но моё ремесло –
По барабану.

Наш композитор летает с трудом,
Плаваает мелко –
Взять и прихлопнуть бы этот дурдом
Медной тарелкой.

Первая скрипка ушла за кордон,
Деньги – на ветер.
Ну и водите, кто может, смычком,
По кастаньете!

Сам дирижёр умыкает кусок
Лучших финансов,
Водки хлебнём – в голове будет всё
Как в маракасах.

Платят гроши. На концерте разок
Стукну в литавры –
Куш за единую ноту высок!
Выдюжим, право!

Бузуки*

Извлекать хотелось звуки.
 Я добыл себе бузуки
 (По длине мензуры вроде
 Электрической басухи).
 Ай, бузуки, что за термин!
 В голове бушует ветер,
 Берedit воображеньe –
 Начинается буженьe.

Есть фамилия Сузуки –
 Там цветёт японский край.
 Там сидит в кустах бамбука
 Возбуждённый самурай:
 Он кусач, как сорок щук,
 Он шипуч, как сто змеюк,
 Аркебузой по базуке,
 Саблю в пузо – и каюк.

Едут, едут, едут с юга
 Тени мстительных хазар –
 Дыни, груши, арбузуки
 Обуздали весь базар.

В огороде муэдзины
 Дуют в свой манок бузинный:
 Въехал дядя-киевлянин
 В минарет на дребузине!

Бучит гувернантка-злюка
 Разбузившихся ребят:
 Придет глокая бузука,
 Отбуздрючит всех подряд!

Сам король – Его Бузучество
 Пропел «бэса-бе-зуче»,
 А потом бузука-нову
 Бузданул, не забузучась.

Комбузиторы музуку
 Подгоняют под бузуку –
 Толстобузый инструмент.

Приглашаем на концерт!

* Греческий щипковый инструмент с длинным грифом.

Музыкант читает стихи

Сидит музыкант и читает стихи,
 Задумчиво в книге страницы листает,
 Он вслед за поэтом слова повторяет,
 От первой до самой последней строки.
 Зачем же ему не своё ремесло,
 Зачем же ему это таинство слова –
 В гармонию буквы войти не готовы:
 В них горечь, страданье, несчастье и зло.

В них жажда поэта не роли играть,
 А жить полной жизнью тревог и открытий,
 И то, что любил и что ангелов видел,
 Однажды словами суметь передать.
 Кому он писал – неужели себе? –
 Так щедро не могут даваться таланты.
 Наверно ещё и тому музыканту,
 На чьей обречён отразиться судьбе.

О, музыка слова, щемящий мотив,
 В них боль ощущений, двойная работа –
 Качаются-кружат незримые ноты,
 Готовые кануть в небесный архив.
 Лови, не теряй то, что истина дарит –
 Строка за строкою, ещё и ещё.
 Звучит инструмент, музыкант сочиняет,
 И ангел стоит у него за плечом.

* * *

Давай с тобой пройдем по кромке листопада,
 увидим ветер, тот, что листья подхватив,
 пронесется-скользит вдоль каменной ограды –
 мы будем отмечать у осени прилив.

Приходит свой черёд, и облетают листья
 сомнений и тревог, обид и суеты,
 нам время наметёт огромный ворох истин –
 среди них могу быть я, а можешь быть и ты.

И этот листьев вал, как полоса цветная,
 перетекает вдаль, сжимаясь и шурша,
 как будто ветер книгу вдумчиво листает,
 где каждый лист – судьба, а может быть душа.

И мы с тобой вдвоём по воле листопада
 взлетаем и кружим, и вихрем нас влечёт,
 и это не страшит – пусть будут только рядом
 надежда и любовь. Всё прочее не в счёт.